

НАСЛЕДИЕ ВЛАСТНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Выявляются средневековые истоки политических практик эпохи Высокого Возрождения в двух странах Европы – Франции и Германии. Показана большая преемственность в деятельности французской короны (в достижении автономии от Рима; военной активности во внешней политике и рационализации управления внутри страны). В Германии, на фоне сохранения ряда традиционных черт (имперских устремлений, относительной слабости бюрократизации) произошел отход от некоторых практик (отказ от коронации императора в Риме, утверждение квазидинастического принципа передачи престола).

Ключевые слова: Франция и Германия начала XVI в.; властно-политические традиции Средневековья; Франциск I (1515–1547); Максимилиан I (1493–1519).

Шестнадцатое столетие и особенно его первые десятилетия представляют собой начальный этап раннего Нового времени, эпоху, в которую наметилось зарождение стандартов и ценностей цивилизации модерна. Однако многие ценностные основы новоевропейского мира, в том числе в политической сфере, сформировались еще на базе многовековых средневековых традиций. Поэтому для понимания переходных процессов рубежа Нового времени представляется необходимым обратиться к политическим представлениям и практикам предшествующих веков.

Статья опирается на историографические материалы. В рассмотрении поставленной в заглавии проблемы был использован комплекс исследований российских и зарубежных историков, от романтиков и позитивистов XIX в. до авторов 2010-х гг., как общего характера, так и посвященных специально истории двух стран. Так, в статье Н.И. Басовской «Системный подход к изучению централизаторской и универсалистской тенденций в развитии феодального государства» (1989) представлена типология средневековых государств Западной Европы [1]. Среди современной литературы общего характера следует отметить коллективную монографию «Властные институты и должности в Европе» под редакцией Т.П. Гусаровой (2011), главным предметом рассмотрения которой стали структуры и механизмы власти [2–3].

В монографии искусствоведа М.А. Демидовой, посвященной архитектуре эпохи Франциска I (2010), исследованы способы использования королевской властью во Франции средств искусства [4]. В числе трудов зарубежных ученых по истории французского Средневековья и раннего Нового времени можно назвать очерк О. Тьерри «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия» (1850–1853), в которой автор дал характеристику деятельности правящей элиты [5]. Из публикаций современных французских медиевистов удалось привлечь материалы ряда рецензий, посвященных исследованию средневековых политических идей и практик властвования (Ж. Кринена, Ф. Отрана, Ж. Ле Гоффа и др.) [6–9]. И. Брайан и Ж.М. Ле Галль в коллективной монографии «Религиозная жизнь во Франции XVI–XVII вв.» (1999) дали оценку общему состоянию религиозной сферы в правление Франциска I [10]. Были привлечены исследования представителей англо-американской школы франковедения. Статья американского историка Л.М. Брай-

ан «Церемония королевского въезда в Париж в средние века» (1986) содержит анализ эволюции и разрывов в истории королевского церемониала в контексте изменений политических форм [11]. В монографии английского социологизирующего историка Н. Хеншелла «Миф абсолютизма» (1999) сделан структурно-функциональный анализ института власти в средневековой и раннеабсолютистской Франции [12].

При анализе особенностей политического развития средневековой Германии большую роль сыграли публикации 1990–2000-х гг. отечественных германистов А.И. Патрушева, М.А. Бойцова, Д.В. Шушарина [13–15]. Была использована также статья В.И. Гончаровой о ранних Габсбургах (2003), рассматривающая особенности политики и механизмов управления этой императорской династии [16]. Среди работ немецких авторов по истории Священной Римской империи следует особо отметить «Историю германского народа» известного ученого-позитивиста К. Лампрехта. В первых томах этой книги, вышедших в 1894–1895 гг., рассматривается эпоха Средневековья и начала раннего Нового времени, в том числе эволюция института королевской и императорской власти, особенности регионального развития и пр. [17, 18]. В статье А. Шиндлинга и В. Циглера о Германской империи Нового времени (1990) содержится анализ ее истоков, сущности и трансформаций [19]. В книге современного немецкого историка М. Вайтманна «Ключевое слово Габсбурги» (1993) рассмотрена история дома Габсбургов от его восхождения на княжеское правление до зенита имперского могущества [20].

Материалы этих и ряда других исследований позволяют дать оценку политическим и властным традициям, присущим Франции и Германии в эпоху Средневековья и начала раннего Нового времени. В то же время вопрос преемственности между двумя периодами, а также специфики названных стран специально в научной литературе не поднимался. Исходя из этого целью представленной публикации стал сравнительный анализ властно-политических традиций, унаследованных французскими и немецкими правителями начала раннего Нового времени от своих средневековых предшественников. В числе поднимаемых вопросов – отношения верховной власти двух стран с католической церковью, военно-экспансионистская деятельность, государственно-административный аспект управления, формы политической идеологии.

Средневековое Французское королевство прошло в своей истории ряд этапов, повлиявших на содержание общекультурных установок в отношении власти и фигуры правителя. На этот период пришлось правление родственных династий Капетингов и Валуа, значительную роль сыграло уважение к наследию Каролингов. Важной чертой развития властной сферы во Франции на протяжении X–XV вв. является преемственность. Среди длинной вереницы королей выделяется несколько фигур, оказавших особенно заметное влияние на формирование традиций властвования, в том числе Гуго Капет (989–996), Филипп II Август (1180–1223), Людовик IX Святой (1226–1270), Филипп IV Красивый (1328–1350), Карл V (1364–1380) и Людовик XI (1461–1483).

В политико-культурном наследстве, доставшемся ренессансной Франции от предшествующей эпохи, можно выделить несколько наиболее значимых составляющих. Первая из них – это формирование автономности от римской церкви, относительная самостоятельность светской власти в религиозном вопросе. Установление приоритета королевской власти перед лицом церковного института произошло в ходе нескольких политических актов, среди которых борьба Филиппа IV с Бонифацием VIII, авиньонское «пленение» пап в XIV в., а также образование галликанской церкви и Прагматическая санкция 1438 г. [4. С. 25–26].

С отношением к церкви связана идея богоизбранности французского королевства и сакрализации правящей династии. В результате конфликта с папским Римом в начале XIV в. Парижский университет провозгласил, что Франция особым образом благословлена Господом, знаком чего являются дарованные ей орифламма, геральдический знак лилии и сосуд с миром. В символической практике стала использоваться идея получения этих знаков Хлодвигом при крещении от Бога Отца. Франция сравнивалась с народом Израилевым; были даже предприняты попытки представить происхождение французов от библейского царя Давида. Одно из подтверждений богоизбранности страны видели в канонизации Людовика IX в 1270 г.

Монархической властью задействовался весьма широкий «арсенал сакральности» [6. С. 590]. Во Франции сложилась более развитая по сравнению с другими странами Европы процедура коронации, включавшая два компонента – посвящение в сан в Реймсе и собственно коронационную церемонию в Сен-Дени, когда на голову новому правителю надевалась корона Карла Великого. Миропомазание, являвшееся составным элементом возведения на трон, делало короля фигурой почти духовного сана [4. С. 25–26; 8. С. 607]. После коронации проводилась процедура исцеления, которая практиковалась правителем и позднее на протяжении его жизни. Благословление монаршим перстом приравнивалось к епископскому благословению [4. С. 26].

Сакральным смыслом наполнялись и другие церемонии власти. Л.М. Брайан показал это, в частности, на примере торжественного вступления в Париж Людовика XI после восхождения на престол, которое содержало параллели с рождением Христа в Вифлееме. Король был представлен как получивший корону божественной волей, процедура как бы протекала на глазах Бога, исходя из его слова и желания. Использувавшиеся ал-

легии изобиловали намеками на божественные истоки монархии: подчеркивалось особое положение Французского королевства, французы представлялись как новый избранный народ, а их правитель – как Христос на земле; в нем видели эсхатологическую и мессианскую фигуру [11. С. 538]. В целом во Франции наблюдается чрезвычайное развитие ритуального аспекта власти, что нашло реализацию также во время церемоний бракосочетаний, присутствий короля в парламенте и королевских похорон.

Второй составляющей политической культуры, игравшей значительную роль в становлении архетипа власти и коллективной идентичности французов, была военная деятельность короны. Французской феодальной монархии были присущи тенденции к универсализму, корни которых вели еще к эпохе Карла Великого. Основными формами реализации этих тенденций стали политика в Средиземноморье и на Ближнем Востоке во время крестовых походов, участие в пиренейской Реконкисте, проявившиеся с начала XIII в. претензии на английский престол. С политической идеей империи и универсальной / императорской власти сопрягалась установка на личное мужество главы королевства. Важное культурное значение имела фигура короля-победителя. В исторической памяти народа сохранялись даты великих битв и участвовавших в них правителей. Так, среди легендарных страниц истории Франции фигурирует победа Филиппа II в битве при Бувине (1214) [21. С. 44].

Третья составляющая средневековой властной культуры – государственно-административная. Нарощивание французской монархией рациональных установок в управлении наметилось с ее первых шагов. Важным этапом в эволюции практики властвования во Франции в указанном направлении стало уже правление Гуго Капета с его политическим прагматизмом [8. С. 607]. Важный прорыв связан с фигурой Филиппа Красивого, который в предпринятых им преобразованиях стремился опираться не на вассальные связи с представителями высшей знати, но на служилый класс людей, намеренно приближенных к престолу [5. С. 28–29; 12. С. 82]. Эта политика, продолженная через века всеми последующими французскими монархами, была унаследована правителями начала раннего Нового времени [4. С. 24–25]. Значительный шаг в создании «новой монархии» был сделан во второй половине XV в. Людовиком XI [12. С. 186].

Наконец, еще одной составляющей политической культуры Франции стала разработка политической теории. В средневековой Европе были распространены две основные формы дискурсов о власти – нацеленные на описание личности правителя «зеркала» и собственно трактаты о власти. Последние получили особенно широкое распространение во Франции в позднесредневековый период. Основное содержание, стержневую идею французской политической мысли составил монархический принцип. Результатом серии внутренних и внешних кризисов, сопровождавшихся напряжением между королевской властью и противостоящими ей силами, стало определение пространства королевской суверенности. Так, деятельность Филиппа Красивого во время его борьбы с папой сопровождало «движение публицистов» – авторов

многочисленных памфлетов, провозглашавших независимость верховной власти [6. С. 590].

Существенную роль в формировании представлений о суверенности монарха сыграла Столетняя война, оказавшая большое влияние и на зарождение национального самосознания. Становление политической теории нового типа во Франции связывают с правлением Карла V, когда, по мнению Ж. Кринена, появилась идея своеобразного «королевского абсолютизма». Стала разрабатываться формула «король – император в своем королевстве», не подчиняющийся закону. В ходе напряженных споров между правоведами и политиками были выработаны представления о королевском достоинстве [6; 7. С. 592; 9. С. 615].

В историографии отмечается, что для населения Франции был традиционен роялизм и вера в «добрых королей», память о которых хранили веками; преклонение перед собственным монархом, королевским авторитетом было освящено многовековой традицией. Исследователи, обращавшиеся к изучению королевских церемоний в средневековой Франции, объясняют их успех в немалой мере именно развитыми монархическими чувствами [4. С. 24–25; 11. С. 515].

Таким образом, вырисовывается общая стилистика верховной власти в средневековой Франции, составляющими которой выступают ее относительная независимость от папского Рима и сакрализация фигуры правителя; экспансионистская внешняя политика под непосредственным руководством французских суверенов; тенденция к рационализму в области управления и монархические установки политической теории и практики.

М.А. Демидова справедливо отмечает, что правивший в начале XVI в. Франциск I (1515–1547) стал наследником перечисленных политико-культурных традиций предшествующего периода [4. С. 24–25]. Так, заключением Болонского конкордата (1516) этот король продолжил становление автономии французской монархии от Рима и способствовал формированию «королевского» галликанства. При Франциске велась тщательная работа над сакральностью его собственной фигуры. Выбор дат коронации, других важных церемоний и мемораций осуществлялся в связи с веками религиозного календаря. На протяжении правления Франциск широко практиковал процедуру исцеления, совершив ее после посвящения в королевский сан, после заключения Болонского конкордата, во время пребывания в плену в Мадриде [4. С. 26; 10. С. 48].

Репрезентировал себя Франциск I и в качестве короля-воина. В истории Итальянских войн, в которых этот правитель принял самое деятельное участие, проявила себя давняя тенденция королевской Франции к мировому господству. При этом Франциск уделял много внимания пропаганде своей военной деятельности. Уже в начале его правления стала использоваться аналогия с Цезарем. Победа над швейцарцами в знаменитой битве при Мариньяно (1515) символически представлялась как сражение добродетелей и пороков. Даже поражение в борьбе за имперский престол в 1519 г. не привело к прерыванию этой тенденции. Сравнение стало исчезать только после сокрушительного поражения короля под Павией (1525) [4. С. 27, 35–37].

Наконец, в политической культуре эпохи немалое значение придавалось теоретической проработке во-

просов о королевских прерогативах, о воплощении в лице монарха верховной власти. Трактаты о природе власти, пик распространения которых пришелся на вторую половину XVI в., были широко представлены и в начале столетия. Начиная с момента назначения Франциска официальным наследником французского престола был написан целый ряд сочинений о его политических добродетелях и достоинствах [4. С. 28]. Деятельность Франциска I в рассматриваемом направлении оказалась весьма успешной. Ж.П. Майер считает, что чувства французов, которые можно обозначить как национальные, были в эпоху правления Франциска очень сильными и концентрировались на его фигуре [22. С. 54–55].

Как и во Франции, в средневековой Германии большое внимание уделяли политическому наследию Каролингов, но в то же время в развитии германского государства наблюдался целый ряд разрывов, сказавшихся в самых разных областях: форме государства, ритуальных традициях и пр. Особенно важный вклад в формирование отношения к власти был сделан в правление, во-первых, династии Оттонов и Генриха IV Салля (1056–1105) в раннее Средневековье; во-вторых, «блестящего» дома Штауфенов (XII – первая половина XIII в.); в-третьих, Рудольфа I Габсбурга (1273–1291) и Людовика IV Баварского (1328–1347) в период раздробленности конца XIII–XIV вв.; и, наконец, в-четвертых, Карла IV (1355–1378) и Сигизмунда I (1410–1437) Люксембургов, самых значительных из германских правителей позднего Средневековья.

Первая выделенная нами составляющая политической культуры – вопрос взаимоотношений с церковью – в истории Империи получила принципиально иное разрешение, чем во Французском королевстве. Крах итальянской политики Оттонов и Вормский конкордат 1122 г., неудача Штауфенов в Италии, борьба Империи с папским Римом в первой половине XIV в. в лице Людовика Баварского, а также недостаточность укрепления королевского статуса и политической консолидации страны привели к тому, что светская власть в Германских землях не могла успешно противостоять курии [17. С. 13]. Формирование церковных княжеств, функционировавших по типу мирских территориальных государств, способствовало закреплению зависимости верховной власти от Рима. В итоге католическая церковь оказалась наделенной всеми полномочиями светской власти и функционировала фактически как «государство в государстве» [23. С. 13]. Впоследствии, как известно, именно это обстоятельство стало мощным стимулом к Реформации.

Несмотря на общий сакральный статус, выраженный с XIII в. в самом названии Империи и существенный для определения ее природы [15. С. 75], о сакрализации королевского рода здесь, в отличие от Франции, речи не шло; препятствием к этому стала практика выборности королей и отсутствия династического принципа передачи короны. В отношении же ореола сакральности вокруг власти и фигуры императора можно сделать достаточно противоречивые выводы.

М.А. Бойцов показал, что, с одной стороны, немецкие правители в восприятии современников нередко уподоблялись Иисусу Христу; с другой – такой «яв-

ный» признак сакрализации, как магическая сила происхождения, в политической практике не использовался. Историк проанализировал также заимствованный из церемонии избрания папы и епископов и утвердившийся с конца XIII в. ритуал «усаживания на алтарь» во время процедуры избрания главы Священной Римской империи. В результате он пришел к выводу, что основой данной процедуры могла стать не столько религиозная, сколько чисто практическая причина – избираемость верховного правителя, порождающая необходимость символического обеспечения правильности выбора, решения проблемы преемственности; ритуал представлял собой важную часть процедуры интронизации [14. С. 39–40, 75–76, 133–138 и др.].

В целом функционирование королевско-императорской власти окружал схожий с французским (и общеевропейским в целом) комплекс церемоний, включая помазание на царство, торжественные въезды в города, похороны и пр. Исследователи отмечают, что в раннее Средневековье верховную власть в данном регионе окружало много внешнего блеска, включая пышные литургические торжества и официальные визиты императоров к их вассалам. Ритуалы, демонстрировавшие величие фигуры верховного правителя (именовавшегося по традиции «цезарем» или «августом»), выступали, как и в случае с Византией, неким образцом для менее значительных на тот момент государств Запада. Но с XIII в. Германская империя стала терять инициативу в данной области, подчиняясь идущим извне импульсам – сначала от «князей церкви», а с XIV в. из Франции. (Именно тогда в европейском масштабе начал преобладать светский символизм, связанный с подъемом «новых монархий», а не религиозный, идущий от папского Рима и Империи.) При этом церемонии, окружавшие деятельность германских государей, оказались более бедны выразительными средствами по сравнению с их аналогами во Франции, оставаясь консервативными и относительно простыми [14. С. 487, 489; 19. С. 9, 11].

Вторая составляющая культуры власти – направленная вовне агрессия, опирающаяся на идеи универсальной империи Запада и создания в Европе единого христианского царства, – была присуща средневековой Германии в силу ее имперского статуса даже в большей степени, чем Французскому королевству [19. С. 9]. Начавшиеся при Оттоне I итальянские войны, продолженные Гогенштауфенами, как и участие немецких императоров в крестовых походах на Ближний Восток, сыграли чрезвычайно важную роль в дальнейшей судьбе страны в плане ее политико-культурного развития. Гибель Штауфенов в середине XIII в. нанесла удар по имперской идее универсализма [13. С. 51–52], но не уничтожила ее вовсе. Итальянские походы, при всей их специфике, предпринимались германскими императорами и в XIV–XV вв.

В классическое и позднее Средневековье войны были широко представлены в жизни немецких правителей, принимавших в них личное участие. К. Лампрехт не случайно обозначает эпоху Гогенштауфенов как рыцарскую, а сам правящий дом – как династию рыцарей [17. С. 12]. Среди ряда особенно знаменательных битв преемников Штауфенов можно

назвать победу Рудольфа I над его политическим противником, тоже римским королем Оттокармом Богемским в военном столкновении в 1278 г. около Вены или сражение Людовика Баварского и Фридриха Австрийского при Мюльдорфе в Баварии в 1322 г., которое в Европе называли «последней рыцарской битвой» [20. С. 9]. Как и в соседней Франции, эти сражения и участвующие в них правители оставили след в исторической памяти.

Значительно большее отличие средневековой Империи от Франции наблюдается в отношении третьей составляющей сферы власти – государственно-административных практик. Исследователи пишут о дуализме администрирования и слабости и незавершенности верховного управления Империей. Если в отдельных княжествах и территориях шло становление и систематизация элементов бюрократического управления, то формы центральной администрации в средневековой Империи некоторые авторы вслед за М. Вебером склонны определять как «управление по случаю», что не могло не сказаться на сохранении ею патримониального характера [2. С. 121–122; 3. С. 210; 17. С. 523–552 и др.].

Указанная особенность административно-политической структуры Империи перекликается с тем, что основой имперского института стали традиции выборности [12. С. 165; 14. С. 92]. Правда, в XIV в. Людовик Баварский и Карл IV сумели укрепить власть императора, освободив ее от влияния Рима и покончив с избирательным правом для всех крупных феодалов в пользу нескольких избранных фигур [19. С. 9]. Однако суверенность отдельных территорий продолжала оставаться серьезным противовесом верховной власти. Имеющие, по мнению А.И. Патрушева, единую природу события, такие как свержение с трона Адольфа Нассау в 1298 г. гибель сына Рудольфа Габсбурга Альбрехта I (1298–1308), избрание после смерти Альбрехта сразу двух королей одновременно, Людовика Баварского и Фридриха Австрийского, и война между ними [13. С. 52–53], стали следствием в том числе недостаточного развития монархической идеологии.

Обращаясь к последней из выделенных нами составляющих властно-политической культуры – политической теории, следует отметить, что главное место в этой области в средневековой Германии занимают «княжеские зеркала» – жанр, корни которого происходят из раннесредневековой византийской традиции, оказавшей влияние на многие страны Запада. Это, например, текст, написанный для сына Фридриха I его секретарем Годфри из Витербо (кон. XII в.) или «Княжеское зеркало Карла IV» («Письмо о юридических и моральных обязательствах императора», ок. 1377 г.) неизвестного автора. Во Франции жанр «зерцал» также имел место, воплотившись, например, в написанных для французских королей и принцев трактатах «Образование благородных детей» Винсента де Бове (ок. 1250) или «О правлении князей» Эгидия Романского (ок. 1277); однако, как было показано выше, помимо «зерцал» здесь появлялись и становились все более распространенными сочинения другого типа. Немецкие же тексты по преимуществу посвящались не столько вопросам природы монархиче-

ской власти в общем, сколько требованиям и ожиданиям относительно личности правителя.

Отсутствие столь активного, как в соседней Франции, внимания к проработке монархической идеи, видимо, не в последнюю очередь связано с тем, что, как подчеркивал К. Лампрехт, после падения династии Гогенштауфенов в середине XIII в. местное самосознание стало выше общенемецкого. По мнению позитивистского историка, во второй половине XIV в. последнее вообще оказалось вне имперской власти, центр которой в этот период переместился за пределы собственно немецких территорий, в Богемии [17. С. 12–14; 18. С. 525].

Делая вывод о стилистике верховной власти в средневековой Империи, следует отметить ее выраженную специфику по сравнению с Французским королевством. В отличие от последнего, здесь не удалось добиться достаточно благоприятного разрешения вопроса о взаимоотношениях с римской церковью. Фигура верховного правителя Германии подлежала сакрализации, как это практиковалось на Западе и что дополнительно усиливалось императорским титулом. Однако указанные представления не приобрели столь отработанного характера, как во Франции. Невозможность, в силу смены династий, поддерживать идеологию сакральности королевского рода плюс общее падение значения императорской власти с XIII в. препятствовали сохранению преемственности традиций. Внешний церемониальный блеск вокруг власти германского императора, на протяжении раннесредневекового периода задававший стандарт в европейском регионе, сменился к позднему Средневековью более скромными формами.

В XV в. на императорский трон взошли представители династии Габсбургов, сумевшие закрепить корону за своими наследниками. В правление новой династии многие средневековые особенности власти, прежде всего, относительная слабость развития рационально-бюрократических форм управления, связанная с суверенностью целого ряда политических фигур внутри государства, а также имперские устремления, направленная вовне военно-политическая активность, в начале раннего Нового времени сохранились.

Последнее хорошо видно на примере правления Максимилиана I Габсбурга (1493–1519). Так, и до своего восхождения на престол, и будучи римским королем и императором, Максимилиан неоднократно проявлял личное мужество в своей борьбе за многочисленные территориальные владения. Он руководил войсками и сам выступал как храбрый воин, рискуя жизнью, в борьбе сначала за бургундское, а позднее – за баварское наследство; в неудачной войне со Швейцарским союзом. В 1489 г. Максимилиан I вступил в борьбу с венграми за захваченную ими Австрию; в 1492 г. разбил и вытеснил из Австрии вторгшихся сюда турок; принял активное участие в Итальянской войне 1499–

1510 гг. И, наконец, в последние годы император планировал крестовый поход против мусульманской Турции, к которому призывал папа Лев X, причем кроме Максимилиана I никто из европейских правителей интереса к этому походу не проявил.

В то же время наметился отход от некоторых традиционных для Германии властных практик. Так, в связи с распространением в Германии в начале XVI в. культуры Ренессанса в церемониальной области начало довлеть итальянское (читай – светское) влияние [14. С. 490]. Безусловно, общая ориентация на христианские ценности сохранялась, однако верховной властью в Империи не было предпринято столь отработанной и последовательной деятельности, направленной на окружение себя ореолом божественного, как это было в рассматриваемое время во Франции. Важной вехой на пути десакрализации императорской власти считается прекращение с 1452 г. практики коронации императора в Риме. Еще одной инновационной чертой было утверждение при Габсбургах квазидинастического принципа передачи престола (при формальном сохранении механизма выборов).

Таким образом, были рассмотрены властно-политические установки, присущие Франции и Германии в эпоху Средневековья и начала раннего Нового времени. На основании вышесказанного можно утверждать, что правители раннего Нового времени опирались на средневековые традиции в отношении власти; однако между двумя странами наблюдаются некоторые, подчас достаточно существенные, различия. Французская корона успешно продолжила деятельность, направленную на достижение автономии от папского Рима. По-прежнему важное значение сохраняла политическая практика сакрализации фигуры правителя и верховной власти в целом. Как и ранее, королевская Франция была нацелена на мировое господство, при этом экспансионистские устремления реализовались при непосредственном участии суверена, что в свою очередь получило широкое отражение в политической пропаганде. В рамках последней немаловажное значение уделялось не только проработке идеального образа правителя, но и определению общей природы верховной монархической власти. В Германии в правление утвердившейся на имперском престоле на исходе средних веков династии Габсбургов многие черты средневековой властной культуры, прежде всего, экспансионистские устремления, а также слабость развития административных форм управления, сохранились. В то же время на рубеже раннего Нового времени наметилось преобразование некоторых практик. Речь идет о прерывании традиции коронации императора в папском Риме как важной вехе на пути десакрализации императорской власти, а также утверждении квазидинастического принципа властвования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басовская Н.И. Системный подход к изучению централизаторской и универсалистской тенденций в развитии феодального государства // Всеобщая история. Дискуссии, новые подходы / под ред. В.В. Согрина, А.О. Чубарьяна. М.: Наука, 1989. Вып. 2. С. 261–269.
2. Казбекова Е.В. Формирование институтов власти и должностей в средневековой Германии // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011. С. 121–143.
3. Таценко Т.Н. Центральные органы управления в немецких территориальных государствах 16 в. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т.П. Гусарова; науч. ред. А.А. Шишкин. М.: КДУ, 2011. С. 187–210.

4. Демидова М.А. Идеальная резиденция ренессансного правителя: дворец Фонтенбло эпохи Франциска I. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 351 с.
5. Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия // Тьерри О. Избранные сочинения / пер. с фр. под ред. и с пред. О.Л. Вайнштейна. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 1–204.
6. Boureau A. Jacques Krynen. L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe-XVe siècle, Paris, Gallimard, 1993, 556 p. // Annales. HSS. 1995. № 3. P. 589–591.
7. Boureau A. Jacques Krynen et Albert Rigaudière (sous la direction de), Droits savants et pratiques français du pouvoir (XIe-XVe siècles), Bordeaux, Presses Universitaires de Bordeaux, 1992, 316 p. // Annales. HSS. 1995. № 3. P. 591–593.
8. Barthelemy D. Elisabeth Magnou-Nortier (sous la direction de), Pouvoirs et libertes au temps des Capetiens. S. 1., Herault, 1992, 326 p. // Annales. HSS. 1995. № 3. P. 607–609.
9. Arabeyre P. Marion Schnerb-Lièvre éd., Somnium viridarii, Paris, Éditions du CNRS, “Sources d’histoire médiévale”, publiées par l’Institut de recherche et d’histoire des textes, 1993, t. I, LVII-384 p. // Annales. HSS. 1995. № 3. P. 614–615.
10. Brian I., Le Gall J.M. La vie religieuse en France XVI-XVII s. P. : SEDES, 1999. 192 p.
11. Bryant L.M. La cérémonie de l’entrée a Paris au Moyen Age. // Annales. ESC. 1986. № 3. P. 513–542.
12. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А.А. Паламарчук при участии Л.Л. Царук, Ю.А. Махалова ; отв. ред. С.Е. Федоров. СПб. : Алетейя, 2003. 272 с.
13. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М. : Издательский дом Международного университета в Москве, 2007. 704 с.
14. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М. : РОССПЭН, 2009. 550 с.
15. Шушарин Д.В. Бюргерский и феодальный мир: Имперские города Юго-Западной Германии на рубеже XV–XVI вв. // Феодалы в городе: Запад и Русь : материалы конф. / под ред. А.А. Сванидзе. М. : ИВИ РАН, 1996. С. 74–78.
16. Гончарова В.И. Ранние Габсбурги: попытка создания единой Европы (XV – первая половина XVI в.) // Становление мира как «общего дома» человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.) : Крат. содерж. докл. «Третьи петербургские Кареевские чтения по новистике» (6–9 декабря 1999 г.) / под ред. Б.Н. Комиссарова. СПб. : СПбГУ, 2003. С. 147–151.
17. Лампрехт К. История германского народа / пер. с нем. П.Ф. Николаева. М. : К. Солдатенков, 1894. Т. 1, ч. 1–2. 608 с.
18. Лампрехт К. История германского народа / пер. с нем. П. Николаева. М. : К. Солдатенков, 1895. Т. 2, ч. 3–4. 656 с.
19. Шиндлинг А., Циглер В. Германская империя Нового времени. Размышления о сущности и метаморфозах // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия / пер. с нем. Е.С. Самойловича. Ростов н/Д : Феникс, 1997. С. 8–32.
20. Weithmann M. Stichwort Habsburger. München : Wilhelm Heyne Verlag, 1993. 95 с.
21. Barrière P. La Vie intellectuelle en France: Du 16e siècle a l’époque contemporaine. P. : A. Michel, 1974. 664 p.
22. Mayer J.P. Pavie, 1525: L’Italie joue son destin pour deux siècles. Le Mans : Cénomane, 1998. 157 p.
23. Гурьянова Т.Н. Культурно-исторические предпосылки специфики немецкого Возрождения в оценке отечественной историографии конца XIX – XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 25 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 ноября 2012 г.